

14.4.2000

Кто вы, "доктор Дапертутто"? За этим не слишком благозвучным, на мой взгляд, псевдонимом скрывался одно время режиссер Всеволод Мейерхольд. Правда, несмотря на то, что псевдоним был литературный, мне так и не удалось разыскать ни одного литературного произведения "доктора". Это и понятно, ведь Всеволод Эмильевич был прежде всего актером художественно-общедоступного театра.

ОН БЫВАЛ в гостях у Чехова, работал с Книппер и Комиссаржевской, знавал Скрябина, Станиславского, Ермолову... Сыграл немало ролей в театре. Особенно он запомнился современникам в образе Ивана Грозного. Однако честолюбивый Всеволод Эмильевич вскоре ушел на самостоятельную режиссерскую работу. Константин Сергеевич Станиславский, будучи уже известным режиссером, создателем знаменитой системы актерского мастерства, решил однажды поискать новые формы сценического воплощения, и тут он вновь встретился с Мейерхольдом, уже несколько лет работавшим в провинции. Бывший актер Художественного предложил Станиславскому "перенести на сцену то, что мы видим в живописи, музыке и других искусствах, значительно опередивших нас", особое видение будущего, "смазать карту будня", выражаясь словами Маяковского, отказаться от "бескрылого" реализма, послужить искусству ради искусства. Всеволод Эмильевич сумел увлечь маэстро своими идеями настолько, что тот снял для него театральное здание под новую экспериментальную студию. Но, увы! Как вспоминал потом деликатный Станиславский: "Еще раз я убедился в том, что между мечтаниями режиссера и выполнением их — большое расстояние и что театр прежде всего для актера, и без него существовать не может, что новому искусству нужны новые актеры... Раз что таких актеров в студии не было, печальная участь ее становилась мне ясна". Студию на Поварской закрыли, причем Станиславский потерял половину своего состояния. А вскоре затем "грянула Октябрьская революция". Москва наполнялась беженцами со всех сторон "с юга, из Крыма или с Востока, из Сибири или с Кавказа". Многие из них искали утешения в театре. На злобу дня Художественный храбро поставил "Каина". Однако религиозная мистерия не удержалась на афише. Новое искусство решительно прокладывало себе путь на сцену. Шедером советской драматургии стал "Бронепоезд 14-69" Всеволода Иванова. Его пушки весьма символично установили со сцены в зрительный зал, беря на прицел "отжившую", по мнению ультрареформаторов, театральную классику. Воинственный нарком просвещения Луначарский разослал Станиславского за то, что тот избегал революционных пьес, требовал "современных тем". И Станиславский вынужден был откликнуться на этот призыв. Будучи человеком тонкого и безупречного вкуса, он выбрал из современного ему литературного материала самое луч-

шее — роман начинающего писателя Михаила Булгакова "Белая гвардия". Дабы не дразнить ревнителей пролеткульта, великий режиссер перенарек пьесу в "Дни Турбиных". Справедливости ради надо сказать, что эта совершенно классическая и, как ни поносили ее большевистские критики — "белогвардейская" вещь легла на душу генеральному секретарю ВКП(б) Сталину, смотревшему "антисоветский" спектакль 15 раз. Вождь народов на дух не принимал футуристов, должно быть, именно поэтому он ни разу не посетил театр "имени В.Э. Мейерхольда". Зато любезный Константин Сергеевич сделал реверанс в сторону своего коллеги, отметив, что "немало сценических проблем, ожи-

тониستا. Для приверженцев Художественного подобное название было не то что нескромным, а просто-таки неприемлемым, ведь на афишах их театра слова "Главный режиссер К.С. Станиславский" были всегда набраны мелким едва читаемым шрифтом. И вот в газетах появился фельетон Михаила Булгакова "Биомеханическая глава". Писателя уговорили сходить на современную пьесу в ГИТИС. Причиной этого был И. Эренбург, написавший книгу "А все-таки она вертится", и двое длинноволосых московских футуристов, которые, являясь ко мне ежедневно в течение недели, за вечерним чаем ругали меня "мещанином". "Я не И. Эренбург, — возмущенно восклицал Булгаков, — и не театральный критик, но судите сами: в общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены — дыра (занавеса, конечно, нету и следа). В глубине — голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами. А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты. Какие-то клетки, на-

известно, в 1927 году, при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся пьесу писателя Эрендурга "Куриный дох" в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана". Самое удивительное в этой истории то, что недавние поиски исследователей "литературного" творчества Мейерхольда привели к неожиданным открытиям. Наибольшее количество доносов "не-

Всеволод Мейерхольд на репетиции.

Рос. газета. - 2000. - 14 апр. - с. 31

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДОНОС

Всеволод Мейерхольд за кулисами «театра на Лубянке»

клонные плоскости, палки, дверки и колеса... Театральные плотники, как дома, ходят взад и вперед, и долго нельзя понять: началось уже действие или еще нет.

ДЕЙСТВИЕ: женщина, подобрав синюю юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем женщины и мужчины сидят. Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой. Женщина на плечах у мужчины ездит, прикрывая стыдливо ноги прозодеждой юбкой.

— Это биомеханика, — пояснил мне приятель. Биомеханика!!
Жена Михаила Булгакова Любовь Евгеньевна Белозерская была не чужда искусству как-никак, и ей, балерине, аплодировали и петербуржцы, и парижане. Она вспоминала:

"Мы пошли за кулисы к Мейерхольду. В жизни не видела более уютного театра, да еще неприятного мне по воспоминаниям. В 1927 году здесь происходил диспут по поводу постановок "Дни Турбиных" и "Любовь Яровая" Тренева..."

Я живо представила себе, как в далекие времена происходило судилище над еретиком под председательством Великого Инквизитора... Нужно отдать должное бедному моему "еретику" — он был на высоте".

Но не зря когда-то еще в киевской гимназии инспектор классов выговаривал гимназисту Булгакову: "Ядовитый имеете глаз и язык. Прямо рветесь на скандал, хотя и выросли в почтенном профессорском семействе". Волюно или скорее всего невольно писатель Булгаков "рвался на скандал".

В повести "Роковые яйца" он насмешничски отозвался как о творчестве Мейерхольда, так и об Эренбурге, слегка переделав его фамилию:

"Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, — читаем мы, — погибшего, как

истовый" Всеволод написал именно на своего соратника по футуризму Эренбурга, умоляя компетентные органы посадить его особенно далеко и надолго.

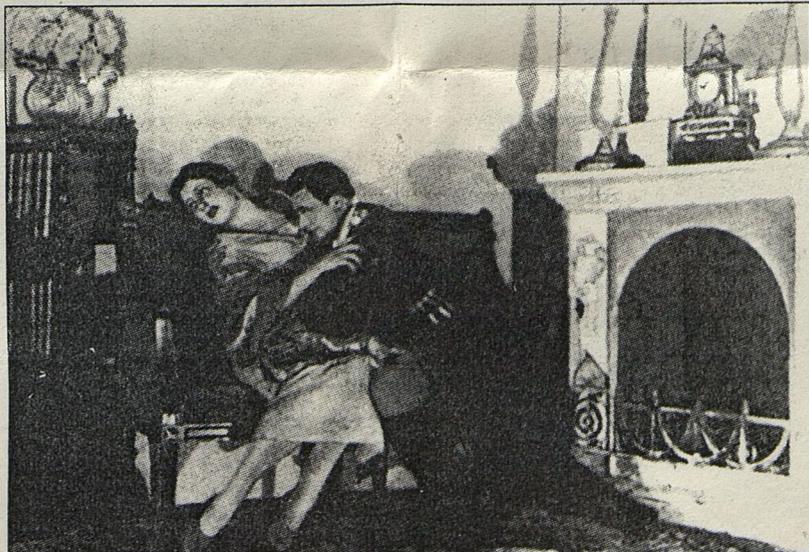
Неизвестно, удостоился ли такой "честь" литератор Булгаков? Уж если доктор Дапертутто тайно копал под своего единомышленника, то что говорить о драматурге, который сам себя называл "не наш". На него Мейерхольд открыто обрушивался со страниц газет и журналов, называя булгаковского "Мольера" "низкопробной фальшивкой" или утверждая, что в театр Сатиры "пролез Булгаков", куда его никак нельзя допускать. При всем этом он постоянно просил у опального драматурга пьесы для своей постановки. Понятно, почему Михаил Афанасьевич считал, что "этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштаниках". Автор "Белой гвардии" был изумлен политическим подхалимажем футуриста от режиссуры. Не только Булгакова, но и многих современников потряс спектакль "Земля дыбом", посвященный Красной Армии и ее "героическому вождю и организатору Л.Д. Троцкому". В зале висела огромная красная лента с надписью — "Бойцам революции — бойцы искусства". Всамделешные грузовики, мотоциклы и велосипеды, попирая все условности театрального искусства, въезжали на сцену через зрительный зал. На подмостках "действовали настоящие воинские отряды, в настоящем обмундировании с ружьями, пулеметами, прожекторами и даже мелкокалиберными пушками".

Жизнь театральных кулис редко давала Булгакову повод для улыбки.

НУ КАК ТУТ было не вступиться за милый сердцу старый добрый театр? Двадцатые годы — новое время, новые жестокие нравы; традиционное искусство яростно теснил футуризм. Тот самый футуризм, родоначальником которого был сподвижник Маринетти, прославлявший фашизм как "светлое будущее всего человечества". Идеи футуризма нашли отклик и в России, точнее, в душах Хлебникова и Маяковского, Шкловского и Пастернака, на сцене же их утверждал Мейерхольд, стремившийся стать основоположником "искусства будущего" в России. И когда Михаила Афанасьевича приглашали стать свидетелем победного шествия этого нового суперискусства, он отговаривался одной фразой: "Я свое удовольствие всегда справлю", надевал бабочку и отправлялся в "самый консервативный" — Большой театр на "Аиду" или "Фауста".

Марина ЧЕРКАШИНА.
Фото из архива "РГ".

Сцена из спектакля "Дни Турбиных".